

Василий Шукшин — каким я его знал

Долго я не мог решиться рассказать о своих встречах с Шукшиным. Начать с того, что эти встречи происходили в не совсем привычной обстановке — в больничной палате. А еще чаще в больничном коридоре, в укромном местечке — так нам было удобнее, никто не мешал.

Случилось так, что мы почти одновременно попали в остроумовскую больницу и с одним и тем же диагнозом. Но в наших с ним разговорах мы старались обходить стороной медицинские темы. Было много другого, о чем можно было и хотелось поговорить.

Тут требуется календарная справка — дело было в декабре 1955 года. Шукшин в это время учился, кажется, на третьем курсе ВГИКа, в мастерской Михаила Ромма. Кстати, вместе с Андреем Тарковским. Конечно, тогда я не мог и подумать, с кем я общаюсь, что будет время, когда имя Шукшина станет широко известным, что сделается он писателем, кинорежиссером и актером, оставившим заметный след в нашей культуре.

А в те давние годы он производил на меня впечатление простого деревенского парня (с годами, в чем зрители его фильмов могли сами убедиться, он мало изменился). Но нельзя было не почувствовать, что это самородок, самостоятельно мыслящая личность. Было в нем нечто такое (что проявилось потом в полной мере) — как бы это назвать? — самобытность что ли, что выделяло его из общей массы окружавших нас людей. А было нас в палате 14 человек, но я никого не запомнил, кроме Шукшина, и вовсе не потому, что впоследствии он стал знаменитым.

С чего началось наше общение? Пожалуй, сперва мы обна-

ружили, что когда-то были соседями по Алтайскому краю. Дело в том, что в 1942 году мне довелось провести несколько месяцев в Смоленском районе Алтайского края, пока не получил повестку из военкомата. А это не так далеко от деревни Сропки — родины Шукшина. Вот мы и нашли общую тему для бесед. Вспоминали о природе, красотах Алтая. А потом наши встречи стали почти ежедневными, и разговоры наши длились часами — о кино, о политике, о житейских делах, о чем только не говорили.

Меня, конечно, больше всего интересовало, как идет его учеба во ВГИКе. В это время я уже сотрудничал в газетах, писал о театре и кино. Он, между прочим, рассказал любопытную историю, как он поступал во ВГИК. Комиссию, как можно догадаться, смущала его простоватая внешность (хотя поступал он на режиссерский факультет, причем тут внешность). Талант в нем углядели, но какие-то сомнения у комиссии оставались. Вместе с Шукшиным сдавал экзамены и Тарковский. А он показался комиссии слишком самоуверенным, уже вроде бы обтесанным в мире искусства. Хотя чему тут удивляться — ведь он был сыном известного поэта Арсения Тарковского. Все же обоих приняли. И, к счастью, не ошиблись. Оба стали мастерами самого высокого класса. И Тарковский, и Шукшин — каждый по-своему — создали такие произведения, которые надолго останутся в золотом фонде киноискусства.

Шукшин часто вспоминал о своем учителе Ромме — как он внимательно относился к своим «подшефным», какой он был душевный человек, как много осталось от его режиссерских на-

ставлений и у него, и у Тарковского.

Кино, однако, не было единственной темой наших разговоров. Шукшин заводил со мной, в сущности совсем не знакомым ему человеком, разговоры на «запрещенные» в то время темы. Больше всего меня поразило тогда то, что Шукшин, а это было еще до XX съезда партии, до разоблачения культа личности Сталина, без всякого стеснения критиковал все и вся. Ему все было не по душе. Если внимательно вглядеться в его фильмы, то можно заметить в них отзвуки этих настроений. Из некролога я с удивлением узнал, что он был членом партии. Вероятно, обстоятельства сложились так, что вынудили его вступить в КПСС. Не мне, понятно, судить сейчас о том, как при его, по крайней мере, в те давние годы, негативных настроениях он все-таки стал членом партии. А может быть, с годами что-то изменилось в его мировоззрении, что знает...

И еще что меня удивило: молодой парень, служил на флоте (а туда, как известно, отбирают стопроцентно уравновешенных людей), а был как натянутая пружина. Видно было, что он с трудом сдерживает свои эмоции. В конце концов это однажды прорвалось.

Помните, в «Литературке» незадолго до его смерти появилась его статья, где он с недоумением спрашивал: «Что с нами происходит?». А случилось вот что. Он снова оказался в больнице и, когда вахтерша не пустила к нему знакомого писателя (что было ему разрешено), в чем был — в халате и тапочках — ушел из больницы домой. Так сказать, в знак протеста. Нервы не выдержали.

А задолго до этого случая, ко-

гда мы вместе были в больнице, разговаривая с ним, наблюдая за его поведением, мне уже тогда мерещилось, что он способен на такой отчаянный поступок.

Больше я с Шукшиным не встречался. Он стал уже известным человеком, я постеснялся напоминать ему о себе. Но однажды я не удержался — позвонил на студию имени М. Горького, где он тогда работал, и попросил позвать его к телефону. Что вы, ответили мне, его поймают почти невозможно. Оставьте ваш телефон. Растерявшись (я не собирался этого делать), я назвал номер своего телефона.

Прошла неделя-другая, и вдруг раздается телефонный звонок.

— С вами говорит Федосеева-Шукшина. Зачем вам понадобился Василий Макарович?

— Должен признаться, никаких практических дел у меня к нему нет. Просто я хотел напомнить ему о нашем пребывании в больнице в теперь уже далеком 1955 году. Ну я понимаю, ему теперь, конечно, не до меня. А как его язва? Все еще мучается?

— Да, бывают обострения. Тем более что диету соблюдать трудно, особенно когда он бывает в экспедициях, а ему часто приходится выезжать на природу. Вообще он, к сожалению, мало заботится о себе.

— Еще раз прошу извинить меня, что вас побеспокоил. Спасибо за звонок. А если он меня еще не забыл, передайте ему мой привет.

Но сам Шукшин мне так и не позвонил.

Вот и все, что осталось в моей памяти о Василии Макаровиче Шукшине.

И. ЧЕРЕЙСКИЙ